

СОВРЕМЕННАЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ КНР: ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Анна Владимировна БОЯРКИНА,
преподаватель кафедры ино-
странных языков ВИМО ДВГУ

Анализ работ китайских специалистов показывает, что одной из главных тем их исследования является формирование новой системы международных отношений. Серьезное внимание аналитиков привлекало изучение структуры современных международных отношений (или согласно терминологии китайских политологических изданий «архитектоники международных отношений»)¹.

Китайский специалист по международным отношениям Линь Лиминь выделяет следующие особенности, которые характеризуют ситуацию в мире после войны в Ираке. Во-первых, это рост противоречий между США и ЕС, во-вторых, активизация политики США в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и перемещение сюда основных стратегических интересов США, в-третьих, постоянный рост значимости АТР в мировой экономике и политике, в-четвертых, все более очевидное участие КНР в мировых процессах². По мнению Линь Лиминя, в дальнейшем система международных отношений будет иметь состояние относительной стабильности. Несмотря на то, что сохранится структура, где сосуществуют одна сверхдержава и целый ряд сильных держав, США, как предполагается, слишком распьют свои ресурсы и приблизятся к краю стратегического истощения, что позволит каждой из региональных держав успешно отстаивать свои специфические интересы. В конечном итоге локальное сдерживание США каждой из держав приведет к возникновению глобального стратегического равновесия³.

В начале XXI в., по мнению китайских исследователей, основными угрозами безопасности КНР являются тайваньский вопрос, американо-китайские противоречия и нетрадиционные угрозы, которые, по-прежнему рассматриваются как вторичные по отношению к традиционным. Директор Центра изучения внешней политики Китая Янь Сюетун считает необходимым для противодействия этим угрозам в первую очередь укреплять боеспособность Народно-освободительной армии Китая (НОАК). Поскольку достижение паритета с США в этом отношении в ближайшее время невозможно, следует выработать такую политику сдерживания, при которой НОАК обладала бы локальными преимуществами перед

США и их союзниками (главным образом в районе Тайваня), что позволит предотвратить провозглашение независимости острова и вмешательство США в возможные конфликты.

Вторым компонентом в обеспечении безопасности КНР, по мнению Янь Сюетуна, должно стать развитие сотрудничества в области безопасности. Страны региона будут опасны для Китая лишь в том случае, если их поддержат США, поэтому достижение договоренностей между Пекином и Вашингтоном⁴ также будет служить обеспечению региональной безопасности.

И, наконец, важным компонентом в политике безопасности КНР Янь Сюетун считает повышение устойчивости и конкурентоспособности китайской экономики в условиях открытости мировому рынку, что является наиболее адекватным ответом на различного рода нетрадиционные угрозы безопасности страны⁵.

Основные угрозы (провозглашение независимости Тайваня и американо-китайские противоречия) также носят вполне традиционный характер: это угроза территориальной целостности страны и противостояние держав. Учитывая ориентацию китайской элиты на положения классического реализма, вряд ли можно ожидать, что Китай откажется от попыток реализовать рекомендации этого направления политической мысли, т.е. прежде всего от наращивания собственной национальной мощи, игры на противоречиях между другими державами и создания собственной сферы влияния.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Во внешней политике Китай ставит перед собой две главные цели — создание благоприятных внешних условий для модернизации государства и утверждение КНР в качестве одного из полюсов многополярного мира⁶.

Первая цель предполагает решение двух задач: предотвращение вовлечения КНР в вооруженные конфликты и развитие торгово-экономических контактов для привлечения в страну инвестиций, технологий и открытия новых рынков. С этой точки зрения важнейшими объектами для китайской дипломатии являются страны и регионы, граничащие с КНР, поскольку именно с ними возможны не только локальные столкновения, но и наиболее продуктивное развитие экономических связей. Мировые державы, с одной стороны, могут стать инициаторами формирования антикитайской коалиции и изоляции КНР, а с другой — являются естественным источником капитала, передовых технологий и торговыми партнерами.

Однако Пекин имеет гораздо больше возможностей влиять на относительно малые государства на периферии КНР, чем на крупные державы, которые, соответственно, менее склонны учитывать интересы Китая. Некоторые китайские специалисты рассматривают политику сдерживания КНР как совершенно неизбежную для США в силу логики борьбы

за гегемонию в мире, а одним из основных методов такой политики является установление и развитие союзнических или партнерских отношений с государствами на периферии КНР⁷, что сопровождается раздуванием идеи «китайской угрозы».

С учетом этих обстоятельств в ближайшем будущем можно ожидать, что Пекин для реализации стратегических целей будет все больше сосредотачиваться на периферийных странах и регионах, пытаясь сформировать региональное сообщество под своим руководством. Ведущий специалист по международным проблемам Янь Сюетун прямо заявляет, что «...основной точкой опоры для китайской внешней политики и дипломатии должны стать периферийные регионы (Восточная, Южная и Центральная Азия)»⁸. Кроме того, в силу объективных причин подобный подход является наиболее реалистичным для ограниченных возможностей КНР. Автор отмечает, что, формируя региональные сообщества наподобие ЕС, возможно создание многополярного мира, в противном случае Китай в одиночку вряд ли сможет достичь уровня экономического развития США.

Вторая стратегическая цель внешней политики КНР — формирование многополярного мира и утверждение Китая в качестве одного из признанных полюсов. Почему для Пекина так важна многополярность? Как свидетельствуют китайские авторы, за этим скрывается не просто стремление к более справедливому и демократическому миропорядку. По мнению китайского специалиста в области внешней политики Дин Шичуаня, в условиях многополярности Китай обретет больше возможностей для игры на противоречиях между другими странами, одновременно стараясь всеми силами избегать ограничений, налагаемых многополярностью⁹. Иными словами, в мире, сцементированном американской гегемонией, Китай имеет меньше пространства для маневра и постоянно находится под угрозой, что в ответ на действия, которые могут угрожать стабильности в мире, западные демократии могут попытаться проводить политику изоляции и сдерживания Китая.

Следует отметить, что Пекин никогда не отказывался от политики игры на противоречиях между соперниками. Это проявилось и в знаменитом высказывании Дэн Сяопина, призвавшего Китай «не высовываться», и в статьях китайских специалистов по международным отношениям. Например Хэ Фан, категорически выступая против того, чтобы Китай противопоставлял себя Западу, одновременно утверждает, что основная угроза для западных демократий заключается в возникновении и усилении противоречий между ними¹⁰. В свете таких высказываний многополярность — это свобода «рук» для Пекина на мировой арене, которая в полной мере позволит реализовать весь внешнеполитический потенциал от успеха экономических реформ внутри страны.

Зачастую цели Пекина китайскими авторами представляются как содействие формированию нового мирового порядка. Однако это лишь своеобразное обобщение двух целей (обеспечение стабильного внутреннего развития и формирование многополярного мира), терминологический инструмент для описания мира, где бы в полной мере учитывались и гарантировались интересы Китая. По мнению российского

китаеведа А.А. Свешникова, новый мировой порядок также предполагает «...завоевание неформального лидерства в Азиатско-Тихоокеанском регионе»¹¹. Таким образом, здесь опять-таки можно проследить стремление Китая к региональной гегемонии, которая рассматривается как условие обеспечения безопасности внутреннего развития и формирования многополярной системы международных отношений.

Итак, основным мотивом внешнеполитических задач Пекина на современном этапе можно считать стремление содействовать появлению новой системы международных связей, в которой Китай вне зависимости от желаний и предпочтений других стран занимал бы одну из ключевых позиций, не мог быть изолирован, не являлся бы объектом давления и манипуляций и с полным правом мог рассчитывать на учет своих интересов другими ключевыми игроками. Путь к достижению этой цели — формирование регионального сообщества, в котором Китай в силу географических причин и размеров внутреннего рынка являлся бы естественным центром притяжения.

Таким образом, как исторический опыт и оценка современного положения в мире, так и цели, которые ставят перед собой китайские руководители в области внешней политики, подталкивают их к формированию такого регионального сообщества, где Китай являлся бы естественным центром системы и безусловным лидером. Подобный подход хорошо укладывается и в традиционные схемы китайской внешней политики, соответствует необходимости противостоять попыткам США сдерживать КНР с помощью стран региона, а в перспективе позволяет решить и другие проблемы, поскольку лидерство в динамично растущей Восточной Азии и АТР, по крайней мере, гарантируют Китаю право решающего голоса в мировых процессах.

ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЯ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Отношения КНР с соседними странами к началу 1990-х гг. вступили в новый этап развития. С одной стороны, с окончанием «холодной войны» исчезли непосредственные угрозы безопасности КНР, ситуация в Азии китайскими аналитиками характеризовалась как устойчивое равновесие сил, которое на тот момент не стремилась подорвать ни одна из держав. Несмотря на существование проблем в двусторонних отношениях Китая с соседними странами, ни одна из них не рассматривалась как способная пойти на военный конфликт с Китаем¹². С другой стороны, в 1990-е гг. отношения с соседними странами заняли «особо важное место» во внешней политике Пекина. Как заявил в 1992 г. на XV съезде КПК Цзян Цзэминь, поддержание благоприятной обстановки на периферии Китая имеет особую значимость¹³.

Существенным препятствием в развитии этих отношений является стремительное экономическое развитие и значительная закрытость политического режима Китая, что порождает ряд опасений у соседних

стран и способствует формированию идеи «китайской угрозы». Чтобы помешать закреплению подобных стереотипов и стимулировать образование регионального сообщества, Пекин выдвинул так называемую новую концепцию безопасности (НКБ), которая активно пропагандируется КНР, начиная со второй половины 90-х гг. XX в. Данная концепция может рассматриваться как важнейшая теоретическая основа региональной политики КНР на современном этапе, несущая идеологическую нагрузку (что в условиях распространения идей относительно роста «китайской угрозы» тоже немаловажно) и отражающая методы региональной политики Пекина.

Собственно НКБ складывается из четырех принципов сотрудничества между странами в области безопасности и различных механизмов практической их реализации. Как заявил Цзян Цзэминь в своем выступлении на XVI съезде Компартии Китая в ноябре 2002 г., «Новая концепция безопасности КНР строится на основе взаимного доверия, взаимной выгоды, равноправия и координации действий между странами»¹⁴. Взаимное доверие служит предпосылкой успешного сотрудничества между странами. Принцип взаимной выгоды подчеркивает важность учета интересов каждого из государств. Поскольку понятие суверенитета — это единственное, что делает различные по своим возможностям государства формально равными, то равноправие можно понимать как утверждение государственного суверенитета. В свою очередь, необходимость координации действий между странами отражает как идею многополярности мира, так и неприятие односторонних действий.

Следует отметить две наиболее существенные особенности НКБ, которые подчеркиваются китайскими авторами. Во-первых, во главу угла ставится принцип общей выгоды, которая превалирует над частными интересами¹⁵. Основой для формирования общих интересов является экономическое сотрудничество. С этой точки зрения ни военные альянсы, ни одинаковая политическая система, не могут быть залогом мира и безопасности¹⁶.

Особого внимания заслуживает возможность поддержания мира при наличии в разных государствах различных политических систем. Как известно, в западном мире весьма распространена теория так называемого демократического мира, получившая научное обоснование в теории международных отношений. Согласно этой теории вероятность войны между демократическими режимами гораздо меньше, чем между демократическими и недемократическими. Пекин, ориентируясь на то, что многие авторитарные азиатские режимы не приемлют навязываемые западными странами модели демократизации, предлагает свою альтернативную концепцию, где на первый план ставится активное экономическое взаимодействие.

Вторая существенная особенность НКБ — провозглашаемый приоритет намерений государства над его возможностями. Важно не то, насколько мощным является государство (подразумевается, что это проблема внутреннего развития), а как оно использует свои возможности на мировой арене¹⁷. В качестве наглядного примера приводится стремление

США к мировой гегемонии, тогда как Китай (как он заявляет) никогда не ставил и не будет ставить перед собой подобную цель.

Важность этих двух особенностей в том, что, провозглашая идею общей пользы и необходимости уделять основное внимание намерениям, а не возможностям, Китай однозначно становится на сторону неолиберализма в его давнем споре с неореализмом относительно абсолютных и относительных выгод международного сотрудничества¹⁸. основополагающие постулаты НКБ как раз и базируются на допущении того, что страны региона для укрепления собственной безопасности должны стремиться именно к абсолютным выгодам, не обращая внимания, насколько выигрывают их соседи. При условии сохранения современных темпов роста подобная позиция для Китая, безусловно, является беспроеигрышной, поскольку позволяет достичь как абсолютных, так и относительных выгод от международного экономического сотрудничества, одновременно обеспечив себе мирную международную обстановку для внутреннего развития.

Необходимо также отметить, что в отличие от оценки международных отношений на глобальном уровне, где, скорее всего, господствуют подходы традиционного реализма, в своей региональной политике Пекин делает упор на либеральные концепции, подчеркивая, что от экономического сотрудничества с Китаем соседние страны только выиграют.

Что касается иерархии приоритетов в региональной политике Пекина, следует отметить: поскольку Южная и Центральная Азия не примыкают непосредственно к собственно ханьскому ядру Китая и его основным зонам экономического развития, которые сконцентрированы на востоке страны, то регионы, находящиеся на периферии АТР, являются вторичными в иерархии региональных приоритетов Пекина. В отличие от них Восточная Азия как в силу своего быстрого развития, так и из-за ряда нерешенных, но принципиально важных для руководства КНР проблем (например, тайваньский вопрос) еще долгое время будет объектом пристального внимания.

Вместе с тем дискуссия, развернувшаяся на страницах журнала «Современные проблемы АТР», свидетельствует, что в вопросе региональных приоритетов китайской политики не так все однозначно. В статье «Проблема АСЕАН во внешнеполитической стратегии Китая» Чжуан Ливэй утверждает, что в последнее время значение западного направления в стратегии Китая быстро возрастает. В этой связи китайский ученый призывает, не обостряя ситуацию на Востоке, сосредоточиться на западном направлении¹⁹.

Ему возражает Чжао Чанцин, подчеркивая, что основные угрозы для КНР, связанные с территориальной целостностью страны, по-прежнему располагаются на Востоке, в АТР²⁰. Несмотря на то, что, скорее всего, можно согласиться с последним утверждением, сама постановка проблемы и призыв Чжуан Ливэя сконцентрировать усилия на западе страны заслуживают особого внимания, поскольку, по всей видимости, данный спор отражает определенные разногласия в среде китайской элиты относительно стратегических приоритетов. С другой стороны, дальнейшее со-

средоточение усилий в Восточной Азии может поддерживать достаточно быстро растущий китайский военно-морской флот, а также влиятельные фигуры в ЦК КПК, рассматривающие активную политику в этом регионе как залог успешного решения тайваньского вопроса, от чего напрямую зависит авторитет КПК внутри страны.

Эта дискуссия значима как свидетельство определенного возврата к некоторым традиционным проблемам китайской внешней политики, а именно — к спору о сравнительной важности для Китая западного (суша) и восточного (море) направлений во внешней политике, а также о взаимосвязи между ними. Как указывает Джон Файрбэнк, во время первой «опиумной» войны 1840—1842 гг. цинское правительство попыталось решить проблемы, связанные с англичанами, опираясь на опыт умиротворения Кокандского княжества в 1920-е гг.²¹ В 70-е гг. XIX в. при дворе возникла дискуссия относительно того, что является наиболее приоритетным: развитие флота и противодействие японским притязаниям в Восточной Азии или подавление крупного мятежа в Ганьсу и Синьцзяне. По требованию императора по этой проблеме высказались крупнейшие деятели того времени. В конечном итоге было решено сосредоточиться на проблемах западного направления²². Возврат к этой же проблематике в статьях современных авторов можно расценивать как еще один довод в пользу постепенного возрождения некоторых традиционных китайских идей в области внешней политики и того большого внимания, которое современный Китай уделяет региональной стратегии.

Таким образом, анализ современного положения в мире китайскими авторами и их базовая интеллектуальная парадигма на глобальном уровне (реализм), а также цели, которые ставят перед собой руководители КНР во внешней политике, показывают, что основным объектом приложения усилий, по их мнению, становятся страны и регионы, граничащие с Китаем. Методы, которыми Пекин пользуется в своей региональной политике, — это провозглашаемые им принципы невмешательства во внутренние дела соседних стран, что представляет определенный контраст с западными подходами, и активное вовлечение этих стран в экономическое сотрудничество с КНР.

¹ Свешников А.А. Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности: Китай в мировой политике. М: Московский государственный институт международных отношений (Университет); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. С. 93—143.

² Линь Лиминь. Данцян шицзе диюань чжаньлюе тайши цзи цицянцзин (Современная мировая стратегия и грядущие перспективы) // Сяндай гоцзи гуаньси (Современные международные отношения). 2004. № 1. С. 32—35.

³ Там же. С. 38.

⁴ Боровой В. Региональная политика во внешнеполитической стратегии КНР после окончания «холодной войны» // Белорусский журнал международного права и международных отношений. Минск, 2004. № 1. http://evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=649&Itemid=55.

⁵ Янь Сюетун. Дуй Чжунго аньцюань хуаньцзин дэ фэнси юй сыкао (Анализ и суждение безопасности Китая) // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи (Мировая экономика и политика). 2000. № 2. С. 9—10.

- ⁶ Дин Шичуань. Шилунь Цзян Цзэминь дуй Дэн Сяопин «шицзе гэцзюй гуань» дэ цзичэн хэ фачжань (Точка зрения Цзян Цзэмина на вопрос развития интеграции мировой архитектоники — высказывания Дэн Сяопина) // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи. 1999. № 11. С. 11.
- ⁷ Сунь Цзяньшэ. Данцянь чжунго чжоубянь аньцюань хуаньцзин юй чжунмэй гуаньси (Современная безопасность на периферии Китая и американо-китайские отношения) // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи. 2003. № 3. С. 65—66.
- ⁸ Янь Сюэтун. Чжунго вайцзяо сю лицзу чжоубянь (Периферийные регионы как основная точка опоры китайской внешней политики) // Ляован (Мировоззрение). 2000. № 11. С. 49.
- ⁹ Дин Шичуань. Шилунь Цзян Цзэминь дуй Дэн Сяопин «шицзе гэцзюй гуань» дэ цзичэн хэ фачжань (Точка зрения Цзян Цзэмина на вопрос развития и интеграции мировой архитектоники — высказывания Дэн Сяопина) // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи. 1999. № 11. С. 12.
- ¹⁰ Цит. по: Свешников А.А. Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности // Китай в мировой политике. М.: РОССПЭН, 2001. С. 136.
- ¹¹ Там же. С. 129.
- ¹² Whiting, A.S. The PLA and China's Threat Perceptions // *China Quarterly*. 1996. № 146. P. 598.
- ¹³ Ши Юаньхуа. Лунь синь Чжунго чжоубянь вайцзяо чжэнцэ дэ лиши яньбянь (Определение исторического развития дипломатической политики периферийных районов Китая // Дандай чжунго лиши яньцзю (Исследование современной истории Китая). 2000. № 5. С. 47.
- ¹⁴ Цюаньмянь цзяньшэ сяокан шэхуй, кайчуан чжунго тэсэ шэхуйчжуи шиэ синь цзюмянь (Всестороннее построение процветающего общества, новый период действия социализма с китайской спецификой) // Сообщение Агентства Синьхуа от 17.11.2002.
- ¹⁵ Ли Сяоминь. Чжунгодэ синь анцюань гуань (Новая концепция безопасности Китая) // Хэпин юй фачжань (Мир и развитие). 2002. № 2. С. 45.
- ¹⁶ Янь Сюэтун. Чжунгодэ синь аньцюань гуань юй анцюань хэцзо гоусян (Новая концепция безопасности Китая и направление сотрудничества в области безопасности) // Сяньдай гоцзи гуаньси (Современные международные отношения). 1997. № 11. С. 28—32.
- ¹⁷ Там же. С. 28.
- ¹⁸ Grieco J.M. Anarchy and the Limits of Cooperation: A Realist Critique of the Newest Liberal Institutionalism // *Neorealism and Neoliberalism. The Contemporary Debate* / Ed. by David A. Baldwin. New York: Columbia University Press, 1993. P. 117—118.
- ¹⁹ Чжуан Ливэй. Чжунго гоцзи чжаньлюедэ дунмэн кэти (Международная стратегия Китая в обсуждениях АСЕАН) // Дандай ятай (Современный АТР). 2003. № 6. С. 21—24.
- ²⁰ Там же С. 11—12.
- ²¹ Fairbank J.K., Goldman M. *China. A New History* — Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2001. P. 197—198.
- ²² Hsu I. C. Y. The Great Policy Debate in China, 1874: Maritime Defense vs. Frontier Defense // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1965. № 25. P. 212—228.

SUMMARY: The author of the article “Contemporary Political Thought of China: International Security Issues” — an assistant for the Foreign Languages Department (Vladivostok Institute for International Studies of Pacific Rim, Far Eastern National University) A.V. Boyarkina. The author represents a review of the current situation in the world given by Chinese writers and their basic intellectual paradigm on the global level, and analyzes goals set by the Chinese leaders in foreign affairs in any event, led to the key challenge and effort that become the states and regions which neighbor on China.